

ЕВФРОСИНЯ АББАКОВНА ДОРОФЕЕВА

В 1927 г. Е. А. Дорофеева — одинокая старуха 63 лет, жившая со своей маленькой внучкой в д. Остров (близ Суры) на правом берегу р. Пинегы Карпогорского района. В прежние годы много раз бывала в Архангельске и года полтора прожила в Петербурге.

И. В. Карнауховой записан от нее ряд сказок, выделившихся, с одной стороны, ярко выраженным социальным элементом — симпатией к героям-беднякам, с другой стороны — тенденцией к рифмованной и ритмизованной речи (см. Сказки и предания Северного края, 1934, стр. 398—399. Тексты сказок там же, стр. 137—144). От нее же записаны были старинные песни и загадки и публикуемые здесь сказка об Алеше Поповиче и две былины-баллады. Кроме того, она знала еще несколько старообрядческих духовных стихов.

Как исполнительница былин и баллад Дорофеева слабее, чем рассказчица сказок. Побывальщина об Алеше передана ею довольно сбивчиво. Напев баллад не отличается той строгой и четкой ритмичностью, которую мы находим у лучших исполнителей данного жанра. Расплывчатости напева соответствуют и лишённые тоже четкого ритма тексты со сказовой интонацией и стихами разной длины.

РОМАН И НАСТАСЬЯ

- Во перьвом–то теремú
 Живё Роман–от кнезь,
 Во другом теремú
 Да живёт Марья Ондреёвна,
 5 Во третьём–то теремú
 Живё Настасья Романовна.
 Ступила–то ее мать в тёмну–то ночь:
 «Дитетко, дитетко, Настасья Романовна,
 И еще кто–то буде поутру рано будить?».
- 10 — «Будё–то будить меня матенка,
 Матенка Марья Ондреевна».¹
 Как наша Настасья–то Романовна
 Долго, долго проспала,
 Не розбудили, не розбудили поутру малые детушки.
- 15 Пошла Настасья Романовна
 К своему Роману ко князю.
 — «Где моя родимая мамонька?».
 — «Ушла, ушла родимая матенка

547

- Во темны погреба,
 20 Во тёмны погреба меды розливать».
 Пошла, пошла наша Настасья Романовна
 Во темны погреба.
 Погледéла на все четыре стороны:
 «Нéту родимой мне мамоньки Марьи Ондреевны.
 25 Где моя родимая мамонька Марья Оядреевна?».
 — «Ушла, ушла на поварню пива сливать».
 Пошла наша Настасья во поварню,
 Поглядела, поглядела на четыре стороны:

¹ Вариант 7–11 стихов:

Приходила родима мамонька
 Ко Настасье Романовне:
 «Кто–то, кто–то будет тебя поутру будить?»
 — «Будут, будут красные девушки,
 Будут, будут малые детушки».

- «Нету, нету родимой мне мамыньки Марьи Ондреевны».
- 30 Пошла, пошла наша Настасья Романовна
 Ко Роману ко князю:
 «Где моя родимая мамонька?».
 — «Ушла, ушла ко божьей церкви,
 Ко божьей церкви богу молиться».
- 35 Шла наша Настасья ко божьей церкви,
 Крест–от кладёт по писаному,
 Поклон ведёт по учёному,
 Поглядела на четыре да на стороны:
 «Нет моей родимой мне мамоньки Марьи Ондреевны».
- 40 Сидя старые старушки приросплакались,
 Сидя молодые молодки приростужились,
 Сидя малые ребята приросхвнстались.
 Пошла, пошла Настасья ко божьей церкви на крыльцо.
 Два волка да бежйт.
- 45 — «Куды, куды, волку, бежитё,
 Скоро да спешитё?».
 — «Бежим в цисто полё, где Роман жену убил,
 В цисто поле схоронил.
 Бежим мы её исть, кровь пить».
- 50 Как наша Настасьюшка расплакалась,
 Как она плачёт, как река течёт.
 Пришел Роман к ней:
 «Не плачь, не плачь, Настасья Романовна,
 Я куплю, куплю тебе алой сарафан».
- 55 — «Не нать мне сарафан, 548
- Нать мне родимой мамоньки Марьи Ондреевны».
 — «Не плачь, не плачь, Настасья Романовна,
 Сошью, сошью тебе кунью шубоцку».
 — «Не нать, не нать кунью шубоцку,
- 60 Нать мне нать родной мамоньки Марьи Ондреевны».
 — «Не плачь, не плачь, Настасья Романовна,
 Возьму, возьму тебе другу мамоньку».
 — «Не нать мне, не нать мне другая мамонька,
 Друга мамонька — лиха мачеха:
- 65 Будет бить–бранить, не добро говорить». 549

ПРО МИХАЙЛО

- «Матенка моя родимая,
Сбереги мою кнегину,
Кнегину да Катерину».
Поехал кнезь да Михайло
5 На грозну́ службу да велику:
«Матенка моя родима,
Спуцай мою кнегину,
Кнегину Катерину,
Во горенку во високу,
10 К обедне ко великой».
Поехал кнезь Михайло,
Не доехал до службы грозной великой,
Конь у него да поднялся.
Не доехал кнезь да Михайло
15 До грозной службы до великой,
Сабля да переломилась,
С головы шляпá свалилась.
Как сказал кнезь да Михайло:
«В доме, видно, случилось несчастье.
20 Матенка моя родима [неможет],
Жена молода да заболела».
Матенка его родима

- Баенку истопила,
Созвала кнегину в баенку.
25 Не смела кнегина Катерина отказати.
Младеня из утробы выжигала,
Кнегину Катерину угомонила,
В колоду её клала,
Наколачивала на колоду
30 Три обруча да железных,
Приказала она слугам
В сине морюшко Хвалынско спустити.
Приехал да кнезь Михайло

- Со грозной службы великоё:
35 «Матенка моя родима,
Где моя кнегина Катерина?».
— «В новой горенке высокой».
Кидался кнезь Михайло
В нову горенку високу:
40 — «Нету моей кнегины Катерины!
Матенка моя родима,
Где моя кнегина Катерина?».
— «Ко божьей церкви ушла».
Кидался кнезь Михайло
45 Ко божьей церкви ко великой —
Нету кнегины Катерины.
— «Матенка моя родима,
Где моя кнегина Катерина?».
Ницего ему матенка не сказала.
50 Кидался да кнезь да Михайло
На три ножечка да булатных.
Слуги его хватали
Да всю правду рассказали:
«Твоя кнегина Катерина
55 В синем морюшке Хвалынском».
Кидался да кнезь да Михайло
К синю морюшку да Хвалынску.
Перву тоню да закинул —
Ницего ему не попало.
60 Втору тоню да закинул —
Вытенул он да тину.
Третью тоню закинул —
Вытенул он колоду —
Три обруча железных.
65 Сколацивал обротье,
Сколотил он обручи,
Сам он в колоду ложылся,
В сине морюшко скотился.
По бережку матенка бежала,
70 Тонким голосом она крычала,
Тонким голосом она крычала:

«Моя тѣжко душа согрѣшила —
Три душѣ погубила:
Перѣва душа — сердечнѣя,
75 Втора душа — безответна,
Третѣя душа — безгрѣшна».

ПРО АЛЕШУ ПОПОВИЧА

Бывало в Ростове–городе жил поп. У попа родилась дочь и никуда они её не спускали, дома берегли, хранили. Вот она стала вырастать и стали на неё заритьця. А девушки пришли и стали её смущать на гулянье. Ну вот, сомутили девушки и ушли они на гулянку. И окружили её татары и увезли в татарский дом. После родился сын Олёша и рос не по годам, не по неделям, а по ребра́м, здоровенный. И просит спустить, а отец не спускает: была одна дочь и та потерялась. — «Спустите и не спустите — всё равно пойду погулять. Лучше добром спустите!». Ну и спустили Олёшу погулять. И вот он на чистом поле увидел Екима Ивановича богатыря. Еким Иванович где–то увидел на гумне мух и хлопнул: — «Одним махом пятьдесят пять человек убивахом!» И назвались братьями. Вот они, знашь, приехали ко Олёше, к отцу: «Поедем мы воевать к такому–то государю с подарками». Вот и отпустили и поехали.

551

Ехали, ехали, близко ли далеко, низко ли высоко ли — на чистое поле. Вот поставили шатёр и стали коней кормить, стали сами отдыхать, и пришол к ним странник: «Куда вы, добры молодцы, поехали?» — «А мы поехали к такому–то королю послужить, а к такому королю надо ехать с гостинчами». — «Вот на этом поле лежит богатырь Неодолище, меж плечьями печатня сажень в ширину». А Олёша боится итти. Вот странник и говорит: «Возьми мою одежду». А у странника шляпа три пуда. Вот етот Олёша идёт, подходит к этому богатырю Неодолищу. Испужался, что эка страсть стала на него, каждый волос дыбб́ом стал, и притворился глухим. Он кричит: «Видал ли Поповича Олёшу?». Он говорит: «Подойди ближе, не слышу». А сам приготовился, чтобы его тропнуть. Он снова кричит: «Видал ли Поповича Олёшу?». А тот припал к самому уху, ну и шлёп его кинжалом, голова покати́лась. Он эту голову взял, привезал к стремяну и поехал к тому страннику к Екиму Ивановичу. Ну вот увидали, что голова около стремени, и думали, что Олёша убит. Они взяли своих коней, оседлали и поехали обратно. А у него конь приткой, и он нагоняет. Ну нагоня́ть стал, близко ли далеко — он своим кинжалом Еким Иванович Олёшу сшиб. И пал Олёша. И скочил Еким Иванович к нему на грудь и увидел крест у Олёши: «Ах, братец мой Олёша!». Ну вот стали в чувства

приводить и привели. Ну и говорит: «Голову привезите к стремену и поезжайте к тому государю».

Ну они ехали, ехали, доехали до государя. У государя пир — бал (*скопление мало ли с каких концов*). Их не допускают до государя, а они просят: богатыри наехали, а их не допускают. А они как за руку — рука прочь. Пошел к ним сам государь и говорит: «Почему так дерзко поступают?». — «Мы самой шуточной игрой вот заденем — рука прочь». Тут государь подумал, что люди не простые. Ну вот он их и пригласил и тоже за стол посадил пировать. И заторопились это — несут на красном сукне Тугарина и посадили за стол. Принесли гуся, принесли хлеб. Барыня заторопилась — разрежала руку. Он взял этот хлеб на один укусок и проглотил, также и гуся, как зверь. А Олёша-то Попович сказал: «У нас была корова старая-престарая, зашла в овин, оловянный мерник съела, тут ее и розорвало.

552

Тебя тоже к тому приговариваю». У того глаза кровью заходили. Взял и сшиб Олёшу кинжалом, а Еким Иванович схватил: «Не здесь липатьця, а на чистом поле съезжатьця!» — «А меня не бил поединщик, только был на чистом поле Неодолице, только с ним и бились». А Олёша и говорит: «У меня с него голова срублена. Позвольте мне принести показать ему». А тот и трусит. Принесли ему на тарелке и показали. — «Поедем на чистое поле съезжатьця!» Тут и поехали. А Еким Иванович поехал назором: хоть кости Олёшины собрать. Вот и едут. Этот как скрычит богатырь, так с дуба лист валитця, вся земля трясётся. Вот он близко стал съезжатьця — надоть сражаться. А Олёша говорит: «Что у тебя сегодня народу много?». Он обернется, а Олёша и голову срубил — оманул его.

Ну вот они и приехали к тому государю. Государь благодарен, а сам боится и его, а кормить надо: бояться Олёшу. Олёша там посватался, девушки на плот пошли купатьця, он и кольцами успел поменяться. Девушка эта в комнаты жила, на свет не выпускают, — а она уже просватана была. — «Как никак, говорит, а я тебя уведу». Ну вот у этого государя два брата есть. Съехались, сидят за столом, угощаются. Вот угощаются, сидят и хвастает кто чем: кто много воева, кто молодой женой, кто золотой казной. А братья сидят, ничем не хвастают. — «А вы, говоря, чем не хвастаете?». — «А у нас нету молодой жены, нету золотой казны. Только у нас есть сестра, нигде не бывала, а в тот-то день свадьба будет». А Олёша и говорит: «Я ей, говорит, люблю». Вот один брат и сшиб его кинжалом, чтобы не

бахвалился. А Еким Иванович схватил: «Не липаться здесь. На чистом поле надо сражаться». Вот и поехал он с братьями к ней. Поставил братьев, а сам платком сшиб окно. «Двери на пяту отворитесь, Олёшу пуцайте!» А те братья заговорили, зашептали, а она без памяти сделалась. А Олёша вышел, двери запер.

И увели ее с собой жениться. Олёша женился. А его сестра в татарском дому умоляла: «Скоро ли Олёша приедет?». А татаре ее замуж отдали. А она не желала. Ехал–ехал Олёша, сдумал о ней: «У меня в татарском доме сестра». — И приворотил к татарскому дому, а татаре не пуска. Они стуца, стуца. Он кричит: «Отдай мою сестру, так ничего не будет». Кое–как им

553

пришлось отдать, а Еким Иванович и влюбился, так влюбился, что жить не могу, придется взять. Братями назвали, а женился. И поехали к отцу, тот с жонкой и другой с жонкой, а Алёша поехал к тому царю, а Екима Ивановича вместо сына оставил.

554